Юрский Сергей Юрьевич 16.5.2000

в зеркале искусства

Общая газ. 2000. 16–22 мая. с. 10.

Целомудрие души

НЕТ, НАВЕРНОЕ, человека, который, достигнув определенных рубежей, не начинал бы подводить какие-то итоги. Пусть даже предварительные.

Подводят их и окружающие. Хотя бы и в форме как бы нежелания их подводить. Что?! Уже 50 (60, 70, 80 и т.д.)?! Не может быть! Сколько нерастраченной, свежей, молодой энергии!..

Это тоже, конечно, итоги, к тому же отрадные. И сегодняшний Юрский и такого рода восторгов тоже, разумеется, достоин. В полной мере. Прославленный артист, один из крупнейших, истинно выдающихся мастеров современной театральной сцены, талантливый прозаик, драматург, сценарист и поэт, замечательный театральный и кинорежиссер, великолепный чтец с колоссальным, немыслимым репертуаром, – разве не он только в самые последние годы вылепил целую галерею блистательных театральных персонажей – от Фомы Опискина до героев Гоголя, Ионеско и Бергмана, напечатал в ведущих центральных журналах целый цикл рассказов, повестей и очерков, опубликовал несколько книг прозы и стихов, один за другим выпускает спектакли, продолжает создавать все новые и новые сложнейшие чтецкие концертные программы, с которыми неутомимо и вдохновенно выступает во всем мире, а в прошлом году покорил всю культурную Россию еще и своим поразительным, гениально прочитанным по ТВ полным «Евгением Онегиным»?.. Все это до такой степени у всех на слуху, в глазах, в памяти, что даже и говорить об этом как-то неловко – все равно что настаивать на банальностях. Поистине неукротимая молодая энергия!

Но мне сегодня хочется сказать не о том, чем сегодняшний Юрский поражает как бы вопреки своему далеко, конечно, не преклонному, но все же, что ни говори, и совсем не юному уже возрасту. А о том, чем его личность все отчетливее проявляет себя именно с возрастом, чем все очевиднее полнится его творчество. И что близким друзьям Юрского, к которым я имею честь причислять и себя, может быть, чуть-чуть виднее, чем многим другим.

Профессия актера – одна из самых опасных, духовно опасных, профессий на свете. Не только всегдашним испытанием публичностью и славой, но еще и той коварной психологической ловушкой, о которой столь честно и горько рассказал Анджей Вайда в своем поистине трагическом фильме «Все на продажу»: постоянным соблазном утраты внутренней дистанции между сценой и собственной жизнью, врастающей в плоть и кровь показу, отчего, в свою очередь, и сама жизнь превращается, в конце концов, как бы в постоянную сцену, прорастает невытравимым лицедейством. Все это поистине разрушительно для человеческой личности, и недаром именно актерская среда так повально заражена не только тщеславным самодовольством, постоянным красованием даже перед уличной толпой, восхищенное узнавание со стороны которой она постоянно ловит и жадно в себя впитывает, но въевшейся в плоть и кровь лицедейской деланностью, отсутствием – при всей показной как бы непосредственности и искренности – действительной искренности и непосредственности. Избежать и этих соблазнов, и этого психологического разрушения удается только тем, чья жизнь питается и с возрастом все больше полнится той духовной энергией, которая не позволяет актеру торговать целомудрием своей души и (что неразрывно связано с этим табу) заставляет его видеть в своем даре не счастливое подручное средство для жизненного самоутверждения, успеха и славы, а знак призвания к высшему служению. Тому, что в старину называли Богом. Или – Истиной, Добром и Красотой, что, в сущности, то же самое.

Разные люди, наделенные таким духовным измерением, по-разному его и ощущают. Но у Юрского оно, несомненно, связано именно с его самоощущением себя как христианина. Плохой он христианин или хороший – судить не ему и не нам, но то, что вся его жизнь – и так называемая личная, и творческая – всецело погружена именно в это духовное измерение, очевидно для всякого, кто хоть немного его знает и кто дал себе труд хоть немного вдуматься в его творчество.

Оттого-то он и в жизни – один из самых подлинных, живых, естественных и искренних людей, каких только доводилось мне встречать. Это актер, абсолютно лишенный всякого актерства (но не жизненной игры!) вне сцены, и прославленный мэтр, знающий, что такое слава и какая от нее может и должна быть профессиональная и даже жизненная польза, но психологически и нравственно абсолютно ею не подмятый.

Оттого-то и в общественном своем поведении он всегда безукоризненно нравственен и точен, и никакие коммерческие и прочие выгоды не заставят его подчинить им свой талант или продать свою репутацию ради поддержки очередного кандидата в Президенты. Его голос всегда будет услышан именно тогда, когда страна и должна слышать голоса порядочных людей – будь то Чечня или Прибалтика, 91-й или 93-й годы.

Оттого-то и в общении его с людьми с годами все яснее и радостнее проступает та мудрость, которая приходит только с возрастом, если душа человека действительно не уставала и не устает трудиться, – мудрость, которая все больше сторонится заносчивой самоуверенности в спорах и все больше стремится услышать и понять другого.

И оттого-то и сегодняшняя молодость его таланта менее всего похожа на внешне столь же, казалось бы, бурное и энергичное творческое самопроявление иных его знаменитых сверстников, талант которых, однако, чахнет, пожирая и изживая сам себя в амоке ненасытимой погони за успехом и самоцельного самоутверждения. Как бы ни были спорны те или другие творческие свершения и проекты Юрского, какие бы критические дискуссии о них ни разгорались, духовная подлинность его творчества несомненна.

И именно это делает творчество неотъемлемым компонентом того духовного движения в нашей культуре, которое одно только, в сущности, еще и дает основание надеяться, что, может быть, духовное возрождение и становление России все-таки когда-то и в самом деле произойдет.

Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакция «ОГ» присоединяется к поздравлениям и смеет надеяться, что входит в круг друзей юбиляра – все вместе, кое-кто даже в отдельности.

Человек играющий

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЮРСКИЙ – вполне ренессансный тип. Он актер, режиссер театра и кино, прозаик, поэт, мистификатор, человек образованный и тонкий.

Знаменитый нидерландский философ Хёйзинга взялся писать о нем книгу, которую сразу озаглавил «Homo Ludens» (человек играющий). Однако к тому моменту, когда он купил стопку бумаги, пронумеровал все листы от первого до последнего (чуть ли не пятьсот), Юрский еще не родился. Поэтому Хёйзинга написал теоретический труд об игре, а Сергей Юрьевич стал замечательно играть в театре и читать стихи и прозу.

Будучи человеком скромным и дружелюбным, он окружил себя друзьями (и зрителями), с которыми время от времени встречался, всякий раз удивляя их разнообразием своих талантов.

Мы – современники Юрского, не вполне, возможно, осознаем, с кем имеем дело. Это, знаете ли, явление. А явление пропускать нельзя. Вон, чтоб увидеть солнечное затмение, люди через полсвета летели, а нам никуда и ездить не надо. Театральное сияние рядом происходит. И, даст Бог, будет происходить, поскольку ему всего 65 лет и он очень серьезный человек. В нем постоянно происходит тщательно скрываемая и вполне драматическая жизнь, которая доходит до нас какими-то квантами (порциями, иначе говоря), каковые отпускает нам Мастер с известной мерой скупости, продиктованной талантом и вкусом.

В Юрском нет ничего случайного и ничего закономерного. Дар его – создавать то, чего не было, и искренне удивляться, что его поняли и любят!

Любят, Сережа! Любят. С днем рождения тебя.

Юрий РОСТ